

К истории данного сюжета

В мае 2015 г., будучи почётным гостем Санкт-Петербургского книжного салона, я приобрёл книгу В.П. Леонова «Библиотека Академии наук: опыт биографии» (М.: Наука, 2013). В Ницце при разборе покупок обнаружил, что там говорится обо мне – Леонов в меру своего скудоумия обвинил меня в «неуважении к памяти» парижского букиниста А.В. Савина ввиду моей к нему «зависти». При всём желании трудно было придумать нелепость столь бессмысленную.

Не имея обыкновения оставлять без внимания враждебные против меня выпады, я сразу откликнулся на прочитанное. В *реплике* рассказал и о Савине, чья жизнь трагически оборвалась в результате знакомства с Леоновым. С Савиным я был знаком с 1970-х, сведения об обстоятельствах дела 1990-х гг. мне были известны от общих знакомых в России, во Франции, в США и из СМИ (во Франции скандал был объектом пристального внимания). Позднее Д.С. Лихачев мне в деталях рассказал эту неприглядную историю. Дмитрий Сергеевич лично был знаком и с Савиным, и с Леоновым, поэтому рассуждал обо всём достаточно объективно. Кроме того, определённую роль в понимании мною подлинной сути происшедшего сыграла и версия самого Леонова, изложенная в его книге «Библиотечный синдром» (СПб.: Облик, 1996; далее БС-1). Книга была приобретена в декабре 1999 г. в магазине «Летний сад» в Санкт-Петербурге.

Реплика была опубликована 29 июля 2015 г. в «Литературной газете» (№ 31) под заглавием «Весьма странная книга». В ней в достаточно тактичной форме было указано на содержащуюся в книге Леонова заведомую ложь о Савине и обо мне, а также сообщено мнение Дмитрия Сергеевича о Леонове. В завершение я выразил недоумение, как могла графоманская книжонка быть изданной за государственный счёт, причем столь роскошно? Прошу

читателей, отложив свежую газету, открыть интернет: Литературная газета. Архив – и перечесьте мою *реплику*. Прошу об этом не из авторского тщеславия: это необходимо для понимания последовавших событий.

А последовали они незамедлительно. Уже в день публикации мне стали звонить и присылать электронные письма как друзья и знакомые, так и ранее мне неизвестные лица с благодарностью за *реплику*. Отклики поступили из разных стран. О Леонове вспоминали лица, имевшие с ним дела, его однокашник по Библиотечному институту, бывшие коллеги и подчинённые. Знающая его не один десяток лет, ранее незнакомая мне дама сообщила: «...нечистоплотные деяния Леонова многим достойным людям сломали судьбу, другим блестящим учёным трагически сократили жизнь. Обладать человеческим достоинством, честью, умом и талантом по Леонову непозволительно – в его глазах это преступление, которое всегда карается его мстостью. Изложенные Вами факты дополнили отвратительную картину: по мнению многих коллег “описанный персонаж соответствует оригиналу”». Добрые мои знакомые из Пушкинского Дома, СПб института истории и Библиотеки Академии наук верили меня в том же: «Профессор как живой!». Более того: узнав из *реплики*, что ранее словосочетание «трамвайный хам» мне не было известно, добрый человек прислал мне его изображение.

Ни одного положительного отзыва не было: вспоминали жадность, завистливость, склонность к доносу, патологические властолюбие и самолюбование Леонова, его мстительность. Хамство, как доминирующую черту в отношениях «выдающегося учёного» с окружающими, отметили почти все. Не скрою: после знакомства с сообщёнными мне фактами личность Леонова стала представляться гораздо более гнусной, чем до *реплики*. Цели сбора компрометирующих Леонова сведений я не преследовал – всё притягивалось само, как металлические опилки к магниту.

По мнению А.В. Соколова я «со слов его недоброжелателей нарисовал злобную карикатуру этого человека». Сейчас в свете новых знаний о Леонове могу утверждать, что не «злобную карикатуру» на Леонова нарисовал, а ангельский лик выписал – в сравнении с тем, чем он мне представляется в настоящее время.

О хаме трамваем замолвили слово

Были высказаны о Леонове и мнения противоположные.

Первым откликнулся его коллега по Институту культуры заслуженный работник культуры РФ (1994) и заслуженный дея-

тель науки РФ (2001) А.В. Соколов, приславший в редакцию «ЛГ» пространное «Открытое письмо» – всё, от начала до конца, наполненное передергиваниями и ложью.

Так, дословно процитированные мною с указанием источника цитаты мнения Д.С. Лихачёва о Леонове как о «трамвайном хаме», «подонке с наглой самодовольной рожей», «сыне лагерного надзирателя», «малограмотном и косноязычном графомане», и указание на то, что он «подлостью снискал благорасположение партийных верхов», – принадлежат именно Дмитрию Сергеевичу, а не мне. Заявление Соколова, будто я «уверял читателей “Литературной газеты” в том, что во главе русских академических учреждений восседают “подонки с наглой самодовольной рожей”», также лживо. В реплике говорилось только о Леонове без каких-либо обобщений.

Соколов упрекал меня тем, что я сужу о Леонове, не будучи с ним лично знакомым. К счастью, это так: с Леоновым не знаком и тем горжусь: в выборе знакомств проявляю разборчивость. Две книги Леонова смогли создать достаточное представление об авторе. «Интересоваться реальной личностью» Леонова у меня не было необходимости: так себя «ошельмовать», как это он сделал сам, едва ли кому удастся. Мнения ряда лиц (не только Д.С. Лихачёва), которым я всецело доверяю, дополнили отталкивающую картину.

Согласно Соколову, первопричиной конфликта явилась «патологическая ненависть престарелого академика к мальчишке-библиотекару (разница в возрасте 36 лет)» и то, что «они никогда не общались друг с другом». В очередной раз Соколов лжёт. Первая, далеко не единственная, их встреча произошла в марте 1989 г., и о ней обстоятельно повествует сам Леонов (БС-1. С. 410–411). Во время встречи Д.С. Лихачёву было 82 года, а Леонову 46 лет (какой же он «мальчишка»)? В реплике я уже отметил невозможность пересказа косноязычных писаний Леонова. Согрешу обширной цитатой вновь:

«Мне вспомнилась первая встреча с Лихачёвым. <...> Дмитрий Сергеевич принял меня после обеда. Ссылаясь на недомогания, лежал на диване, одетый в коричневый шерстяной свитер на пуговицах. Я примостился рядом, глядя на него снизу вверх, и слушал общие рассуждения о библиотеках, о книгах, что бесхозно хранились в церкви в Узком. Потом рассказал ему, что мы в Библиотеке сделали после пожара, что собираемся сделать, почему едем в США. Заметил, что смотреть прямо в глаза он избегает. Беседа длилась около двадцати минут. <...> Ни та, ни новая встреча 15 февраля 1993 г. никаких перемен в отношении с Лихачёвым не внесли.» (Леонов В.П. Библиотечный синдром. СПб.: Облик, 1996. С. 411).

Представим ту же ситуацию глазами Дмитрия Сергеевича, прилёгшего после обеда в весьма странном одеянии. (Свитеру пуговицы не свойственны; скорее, принадлежность домашней куртки. Вряд ли для удивления Леонова были пришиты пуговицы к свитеру.) Несмотря на тактичное указание Лихачёва о своем болезненном состоянии, незваный гость всё же «примостился рядом» и стал глядеть на лежащего собеседника «снизу вверх», недоумевая при этом, почему тот «избегает смотреть прямо в глаза». Отмечу деликатность Дмитрия Сергеевича, который в неудобном пространственном положении поддерживал более четверти часа разговор на отвлечённые темы. Как мне сказал Лихачёв, при личном знакомстве он убедился в справедливости общего мнения о Леонове. Первое неприятное впечатление от Леонова и оценка его деятельности обусловили поведение Лихачёва в отношении лица, которому он отказывал в праве возглавлять старейшее академическое учреждение. И не «ненависть» в данном случае имела место, а элементарная нравственная брезгливость к хаму.

Хоть бы классика своего Соколов прочёл, прежде чем с наставлениями лезть!

Всё «Открытое письмо» наполнено подтасовками и откровенной ложью. Цитирую: «Самоотверженный и трудолюбивый библиотековед сумел завоевать доверие коллектива». Книга Леонова «Библиотечный синдром» (629 страниц убористой печати!) полностью посвящена тому, как сотрудники БАН боролись с ненавистным директором. (В истории современной российской науки случай уникальный!) Соколов пишет: «...в 2001 г. – новое переизбрание, затем ещё дважды происходили демократические конкурсные выборы, на которых Леонов неизменно оказывался победителем, несмотря на происки недоброжелателей и конкурентов». На сайте БАН помещен отчёт о выборах 2006 и 2011 годов, оба раза Леонов был единственным претендентом: откуда взялись «конкуренты»? И какие же это «выборы», если выбора нет? Такие же «выборы» были и в 2001 году. Это даже не профанация выборов, а безысходность...

Соколов употребил слово «диффамация» – пришлось поймать самого лжеца то ли за руку, то ли за язык. Вступать в полемику с постоянно лгущим и передергивающим Соколовым – излишняя честь дважды заслуженному пустобрёху. В «Открытом письме» Соколов вопрошает: «Может быть, я неправильно понял подлинную интенцию Вашего выступления?». Слово «интенция» в русском языке мне неизвестно (чудовищный новояз образованщины).

Ждать, пока Соколов отучится лгать и научиться внятно излагать свои мысли на русском языке, не приходится. Отмечу замечательное окончание «Открытого письма». Соколов допускает, что *реплика* – «эмоциональное недоразумение», вызванное «бесом», и призывает меня к «покаянию перед Леоновым». Помышление благочестивого старца на изгнание из меня беса путём принесения мною покаяния отношу к причудам той загадочной славянской души, которая должна вызывать недоумение рационалистически мыслящих европейцев.

Публиковать написанное напыщенным слогом анекдотическое письмо, к тому же лживого содержания, значило бы проявить неуважение к читателям. (Стоит представить чеховское «Письмо к учёному соседу», опубликованное в «Известиях Академии наук».) По сути дела «ЛГ» оказала Соколову и Леонову добрую услугу, не выставив на всеобщее посмешище пару излишне учёных мужей. Вот уж, поистине, услужливый заслуженный деятель науки и культуры опаснее врага...

Следом в редакцию поступило «открытое письмо сотрудников БАН». Всего лишь на 4-х страницах перечисляются достоинства Леонова и перечень выполненных под его «научным руководством» трудов сотрудников Библиотеки. Моя *реплика* названа «статьёй под видом рецензии», призванной «опорочить Библиотеку Российской академии наук и её директора, доктора педагогических наук, профессора Валерия Павловича Леонова». Далее сказано, что «нанесён огромный вред чести и достоинству В.П. Леонова и авторитету Библиотеки Академии наук, имеющей 300-летнюю историю». Судя по ряду признаков, текст «открытого письма» принадлежит самому Леонову, наличия «чести и достоинства» в котором заподозрить трудно. Даже если «открытое письмо» действительно сочинили подвластные Леонову женщины, вступать в полемику с ними не собираюсь, поскольку о поводе для *реплики* в нём не сказано ни слова.

Согласно версии «открытого письма», я задался целью «опорочить Библиотеку Российской академии наук». И в мыслях у меня того не было, и в *реплике* ни единым обидным словом БАН не поминалась. Разумеется, Библиотека ничем не виновата, что в ней завёлся Леонов. Можно сказать, что «Леоновы приходят и уходят, а БАН остаётся».

Напротив, считаю моим приятным долгом поблагодарить сотрудниц БАН за прекрасную выставку «Легкозвонный стебель», посвящённую 135-летию Б.К. Зайцева. Едва ли кто в мире сделал

бы её столь тщательно и с такой любовью. И даже то, что Леонов запечатлел себя на фоне моей книги о Борисе Зайцеве (снимок на сайте БАН), производит впечатление самое благодатное.

В начале сентября «открытое письмо» было помещено на официальном сайте БАН; далее все письма в поддержку Леонова (16; как правило, однотипные) помещались там же. Прочсть их можно и в настоящее время. Показательно то, что никто из покровителей Леонова в верхних академических слоях не пожелал за него заступиться. Из подписантов высшими по статусу являлись три равных Леонову лица, все прочие были его знакомыми и коллегами по Институту культуры.

В начале октября я был приглашен в Россию: на посвящённых Бунину торжествах в Ельце прочёл лекцию, а также представлял в Москве мою новую книгу «О русских – по-русски» (СПб.: Русская культура, 2015). Презентации успешно прошли в «Российской газете» и в Центральном доме литераторов. Мне были переданы пришедшие на моё имя письма. Благодарю всех, кому оказались небезразличны судьбы русской книги, как в России, так и за её пределами, и которые сочувственно и со знанием дела отозвались о моей *реплике*.

К сожалению, нахожусь в неравноправном положении по отношению к Леонову – приведение адресованных лично мне писем сотрудников академических учреждений едва ли будет способствовать их карьере в РАН. Менее всего желал бы доставить кому-либо неприятности, а потому буду оперировать только текстами противника.

Все 16 писем уже полгода находятся на сайте БАН. Леонову этого показалось мало: в начале года он издал в типографии БАН под грифом БАН книжонку, им озаглавленную «Библиотечный синдром – 2» (тираж 200 экз.). Помимо публикации всех помещённых на сайте БАН писем, в книгу включена моя *реплика* (выпущены наиболее обидные Леонову места), письма совсем мелкотравчатых подписантов, а также порочащие меня материалы советской прессы. (Утверждения, что я «добывал архивы русских эмигрантов за тарелку супа» /с. 114/ и тому подобное.)

8 февраля 2016 г. в полдень в Библиотеке Академии наук состоялась торжественная презентация этого шедевра. Один мой знакомый на ней присутствовал. Никогда ранее не бывший в Библиотеке Академии наук, он до того обошёл все этажи здания. Величие БАН и рассказ об её судьбе его поразили. Ещё более поразило постыдное действие, развернувшееся в конференц-зале.

Аудитория была переполнена: помимо поклонников Леонова и сотрудников БАН в зале были студенты, приведённые из Института культуры. Вероятно, зрелище запомнится им надолго. Один за другим поднимались на сцену какие-то зоценковские персонажи, и, страстно обличив меня и прославив Леонова, её покидали. Знакомый мой зачарованно на то смотрел: человек с большим жизненным опытом, он не мог представить, что подобное возможно в наши дни. (Все выступавшие были авторами БС-2). Какая-то старуха истошно завопила с места: «Я прогнала Герра», – часть зала ей зааплодировала. (Кричавшая была директором городской библиотеки). Достоинее всех на шабаше было поведение главного режиссёра.

Во вступительном слове Леонов задал вопрос: «Стоит узнать, кто вложил в руки Герра эту книгу?!», выразив сомнения в том, что «изданную в 2013 году книгу свободно можно купить в 2015-м»! Книга – не скоропортящаяся живая рыба, товар этот рассчитан на длительную продажу. Особенно касается это книги научной. («Монографию» Леонова я рассмотрел в реплике – повторяться не буду. Псевдонаучная стряпня лишена не только познавательного значения, но местами и элементарного смысла.) Ответу Леонову – книгу вложила мне в руки продавщица. Леонов пишет, что «тираж разошёлся очень быстро» и что даже он «сам через короткое время не мог её приобрести по причине отсутствия в свободной продаже» (с. 17). По наведённой справке, книга 2013 г. по сей день продаётся в Москве и в Петербурге в магазинах «Академкниги». А заключил презентацию Леонов словами разумными: «В полтора часа уложились!».

На следующий день репортаж об этом шабаше был помещён на официальном сайте БАН. Спустя неделю после презентации БС-2 я уже получил его. Стало понятным, почему на сайте БАН выставлено лишь оглавление: отдельные письма Леонову его поклонников настолько разнузданны и мерзки, что, вероятно, постеснялся их выставлять даже он. Сама же книга по внимательном прочтении выставляет Леонова в более неблагоприятном свете, чем ранее. Вероятно, для того и потребовалось организованное им в БАН сборище: далеко не все прочтут изданный небольшим тиражом БС-2, не поступавший в открытую продажу (о том далее). Торжественная презентация книжонки в БАН была призвана показать не только победу Леонова над противником, но и его нравственное превосходство.

«Я не такая, я жду трамвая...»

Вся книга состоит из восхвалений Леонову и проклятий в мой адрес.

Приступим к рассмотрению того и другого.

Начнём с восхвалений из двух главных текстов – «паровозов» (на советском писательском жаргоне).

«Открытое письмо» Соколова состоит из его отвлечённых рассуждений и перечня добродетелей Леонова, но конкретный повод *реплики* (Савин) вообще не упомянут, зато высказано изумившее меня предположение о том, что «Леонов — не единственная жертва стереотипов холодной войны». Гипотеза носит столь клинический характер, что возникло подозрение: не автор ли текста сам Леонов? (Ранее подобное подозрение было высказано в связи с «Открытым письмом сотрудников БАН»).

В «Дантесе» прозаика М.Н. Кураева также ничего не говорится о выпаде Леонова против меня, который послужил поводом к *реплике*. Сказано о чём угодно: об альбоме А.А. Виниуса, о строительстве дамбы, о родственных связях Д.С. Лихачёва... Ещё раз повторена запущенная Леоновым ложь о том, что Дмитрий Сергеевич уклонялся от встречи с ним. «Леонов не раз искал встречи с умело обращённым в его врага академиком Лихачёвым, чтобы объяснить. Но “сваты-бабы-бабарихи” сделали всё, чтобы царь Салтан на такую встречу не пошёл» (с. 68). Вероятно, Кураев в большей степени писатель, чем читатель: БС-1 не одолел. Если всё же осилил, но сознательно не указал на встречи Леонова и Лихачёва – то Кураев заведомый лжец. Публиковать 13 страниц его текста было бы проявлением неуважения к читателю: о существовании дела в нём не говорится ничего, а всё оно посвящено восхвалению Леонова. Включая рассказ как тот «в 20-градусный мороз разделтый по пояс, но в перчатках бежит по заснеженной дорожке», а сразу после того «в жанре домашнего музицирования искренне и чисто играет на рояле произведения Свиридова и Монти, а может и на баяне рвануть!» (с. 71). (Да пусть Леонов хоть нагишом на радость соседям Сибелиуса на балалайке наяривает – какое это имеет отношение к существу *реплики*?) Учитывая происхождение, я приравниваю к Дантесу, однако весьма непоследовательно Кураев не приравнивал Леонова к «закатившемуся солнцу русской поэзии»... Впрочем, разбирать опусы графоманов не в моем обыкновении.

«Хотя погодите, сколько дадите?»

Перейдем к проклятиям.

С двумя своими обличителями – писателем Кураевым и бывшим директором РНБ Лихомановым – я даже знаком лично. Впрочем, едва ли то следует назвать знакомством..

Начнём с первого. 22 апреля 2003 г. состоялась презентация книги: Р.Ю. Герра «Они унесли с собой Россию: Русские эмигранты – писатели и художники во Франции (1920–1970)» (СПб: Блиц, 2003). В России я начал издаваться в Санкт-Петербурге, и это встретило сочувственное отношение как губернатора, так местных СМИ. Для проведения презентации был предоставлен Пресс-центр Санкт-Петербурга (в Доме Радио). Пришли многие друзья, все выступавшие говорили добрые слова, я был польщён и растроган.

Тем не менее, один выступавший особо памятен – неумеренными комплиментами, доходившими почти до лести. Звучали они столь явным диссонансом, что я был вынужден поинтересоваться у издателя С.В. Цветкова об ораторе. Ответ был замечателен настолько, что сохранился в моей памяти дословно: «Это писатель Кураев – да вы не беспокойтесь, он ничего у вас просить не будет!..». Действительно, ничего не попросил – может быть, этим всё и объясняется? Как бы то ни было, но фотография, где я запечатлён в обществе М.Н. Кураева, хранится в моем архиве.

И этот тоже лезет в обличители... Мало того: из всех направленных против меня в редакцию «ЛГ» писем его текст не только самый подлый, но и наиболее безграмотный с литературной точки зрения. (В сравнении с ним даже потуги на высокий штиль дремучего профессора Соколова приятно забавляют.) Однако если Соколов взывает к нравственным категориям (в меру своего о них представления), то текст Кураева – политический донос с некоторой претензией на изящество слога.

Прочтите на сайте БАН его пасквиль «Дантес районного масштаба» и ощутите всю степень не владения словом лауреата Государственной премии РФ по литературе (1998) – его один из союзов писателей даже объявил «классиком». Огромный по размерам текст – ничего по сути дела, исключительно оценки с уверенностью в непогрешимости суждения. *Реплика* – не иначе как «пакостная статья с очевидной целью морально убить» Леонова: «Автор злонамеренной публикации преподносит читателям “ЛГ” портрет уроды, преступника, невежды, бьёт так, чтобы не встал, как бьют на заказ в подворотне» (с. 57). В заслугу самому Кураеву

стоит поставить то, что он и не пытался представить Леонова как учёного, в результате чего и появился гротескный образ музицирующего физкультурника.

В отношении «битья на заказ в подворотне».

Кураев – пока единственный, кто от слов перешёл к делу. В декабре 2015 г. я был почётным гостем Санкт-Петербургского культурного форума. На этот раз организацию форума проводило не Правительство Санкт-Петербурга, а Министерство культуры РФ – и с той задачей справилось неважно. Перед входом в фойе Мариинского театра выстроились огромные очереди. В одной из них я увидел Кураева. На мой вопрос: «Как вы могли написать подобное письмо донос-против меня?», – он поначалу пытался вообще его отрицать, а затем начал ругаться. Великовозрастный графоман здесь оказался элементарно безграмотен: великим и могучим русским языком Кураев не владеет: весь его лексический запас не выходит за пределы подросткового сквернословия. Что касается матерщины, то её правилам – это целая наука – меня учили жившие в Ницце казаки. Вместо того, чтобы смиренно поблагодарить за урок – Кураев завопил: «Да кто ты такой, чтобы судить о Леонове?!». В целях защиты от распоясавшегося дебошира мне пришлось плюнуть в перекошенную сверх обычного рожу прозаика. Постигшую его кару Кураев воспринял как должное и более повторить свои шалости не пытался. Более того: встретив меня на форуме ещё раз, Кураев поспешно ретировался – вероятно, решил, что я сочту наказание его недостаточным. В силу великодушия не стал преследовать поверженного врага, чьё поведение можно объяснить словами самого Кураева: «Замахнулся сослепу на достойного человека – вот и получил по полной» (с.72).

Всё это происходило на глазах толпы зевак. В тот же день баталия была выложена в Сеть. На следующей день о событии сообщил в передовице газеты «Коммерсантъ» придворный обозреватель, ошибочно пришедший к выводу о том, что стороны повздорили из-за места в очереди на встречу творческой интеллигенции с В.В. Путиным (Колесников А. Перед Владимиром Путиным предстал суд // Коммерсант. 14.12.2015. № 231. С. 3).

Не скрою: вразумлять агрессора-графомана словом и делом было легко и приятно.

От Кураева переходим к следующему.

Зримо представляю Лихоманова. Три года назад в музее Державина ко мне бочком тихо подошёл небольшой человечек, вручил визитную карточку директора Российской национальной

библиотеки... и замолчал. Не зная, чем занять столь странного собеседника, предложил тему светской беседы. Накануне властитель дум петербургской интеллигенции видный культуролог М.Н. Золотоносов выяснил подробности боевого пути пожилого прозаика Д.А. Гранина и поделился ими с читателями. Статья наделала много шума: Гранин в Санкт-Петербурге тоже достаточно известен – все только о ней и говорили. Как только Лихоманов услышал фамилию Золотоносова, он мгновенно исчез, неведомо куда. Быстрота перехода в инобытие поразила даже меня: только что стоял собеседник – и испарился, осталась лишь карточка в руке доказательством того, что мне бессловесный фантом человека не померещился.

Лихоманов тоже лезет в обличители – из корпоративной солидарности с Леоновым, или услышав ненавистную ему фамилию. (О неоднократных обличениях Золотоносовым художеств Лихоманова на директорском посту я тогда не знал. Как выяснилось, именно статьи Золотоносова в итоге привели к снятию Лихоманова с должности: контракт не был продлён ввиду явной профессиональной непригодности. /Подробности следует смотреть в Сети: в «Новой газете» и в интервью «Свободе» ведущий библиотекарь Е.А. Голлербах подробно объяснил, почему тот «является худшим директором РНБ за двести лет»./

Согласно «предельно возмущённому подлым доносом» (с.76) Лихоманову, я «травлю уважаемого человека, глумлюсь не только над его честным именем, но даже над его родителями» (с. 84). Прежде всего, отмечу, что гипотезу о Леонове как об «уважаемом человеке» с «честным именем» выдвинул сам Лихоманов. Что же касается «глумления над родителями», то, вероятно, речь идет о цитировании Д.С. Лихачёва, для характеристики Леонова подчеркнувшего, что тот является «сыном лагерного надзирателя». Очевидно, Дмитрия Сергеевича интересовал не вопрос о происхождении Леонова, а весьма тяжёлая наследственность, обусловившая его развитие и поведение на руководящих должностях.

Кураев вопрошает: «Можно ли считать клеймом службу отца в лагерной охране?» (с. 60). Полагаю, что нет: служба тяжёлая, нужная, несколько необычная, никакого клейма на родственниках служившего она не ставит. Ни малейшего осуждения в моих словах не было, но полагаю, что у Дмитрия Сергеевича к лагерным надзирателям отношение было иное. Тем не менее, никакой иной версии происхождения Леонова в БС-2 предложено не было. Сам Кураев сообщил о том, что «война для отца Леонова закончилась

не в 1945 году, а в 1950!... воевал с недобитыми пособниками фашистов еще пять лет» (с. 61). Где воевал? Неизвестно: сказано лишь о «раненом железнодорожнике» (с. 53), «гонявшем по закарпатским лесам банды бандеровцев». В качестве кого и с какой целью он это делал, — непонятно. Зачем банды бандеровцев позволяли гонять себя по закарпатским лесам раненому железнодорожнику — загадка ещё большая.

Согласно мнению Б.С. Елепова, мне «по частым визитам в Петербург должно быть известно, насколько авторитетным человеком является в научном и библиотечном сообществе В.П. Леонов» (с. 46). До реплики беседы о Леонове были единичны зато после неё ранее незнакомые лица считают, что меня следует непременно занимать рассказами о Леонове. Чего только не наслушался о нём от участников «научного и библиотечного сообщества»! Положительных отзывов о нём не припомню ни единого. Очевидно, и я, и Б.С. Елепов существуем в сообществах, не соприкасающихся друг с другом.

Для лиц моего круга Леонов заведомо нерукопожатен. Об этом в своё время даже в газете опубликовали открытое письмо «Не подавать ему руки» те самые члены «научного и библиотечного сообщества» (подробности сообщены в реплике). Весьма показательен и эпизод, имевший место 9 февраля 2016 г. в Государственном музее А.С. Пушкина, когда на традиционном возложении цветов к памятнику Леонов оказался единственным, кому было отказано в произнесении слова. (Что не помешало Леонову при фотографировании «рядом примоститься».) Мелкий эпизод, а вызвал резонанс в «научном и библиотечном сообществе»...

Все связанные с именем Леонова скандалы неизменно сплывают вокруг него кружок защитников: состав авторов БС-1, БС-2 и шабаша в БАН почти один и тот же. Сперва отмывали Леонова от «вора», а двадцать лет спустя — от «хама». Дело привычное...

С Леоновым и его почитателями мне говорить незачем лишь потому, что едва ли мы поймём друг друга — да и стоит ли к тому стремиться? Вот уж, поистине, «два мира — две идеологии».

Двойственность подобного взгляда на «несправедливо преследуемого» Леонова поясняет карикатура Н.Э. Радлова «Трамвайная относительность» (1933).

Как заключил один из моих знакомых, в лице Леонова весь культурный охлос «культурной столицы России», наконец-то, дождался своего трамвая.

Вместе с трамвайным хамом на месте вагоновожатого.

ТРАМВАЙНАЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТЬ

Какими ему кажутся пассажиры. . .

. . . и каким он сам кажется пассажирам.

«Отмыться от вони трусливой псины»

Вновь напомню, что причиной *реплики* явилось обвинение меня Леоновым, то есть первым начал он сам, приписав мне то, чего заведомо не могло быть. Одно лишь то, что человек, виновный в преждевременной гибели Савина, имеет наглость делать мне упреки нравственного свойства, потребовало немедленного ответа. *Реплика* состояла из рассказа о Савине, о наших взаимоотношениях, было приведено мнение Д.С. Лихачева, после чего я высказал собственное мнение о «монографии» Леонова. Не будь Санкт-Петербургского книжного салона 2015 г., где я купил книжонку Леонова, – я бы и не вспомнил о нём.

Вопреки мнению Соколова, я не являюсь «филологом-гуманистом» (они разве что в эпоху Возрождения существовали) – как *реплика*, так и данный *отклик*, вызваны лишь моей привычкой не оставлять безнаказанным ни один печатный выпад против меня. Не сомневаясь в искренности желания авторов *БС-2* защитить Леонова, отмечу, что ни один из них не посчитал нужным разобраться не только в существе дела, но даже в содержании *реплики*, сосредоточив всю ругань исключительно на мне.

Вновь подчеркну, что на книжонку Леонова и на него самого у меня и авторов *БС-2* совершенно различные взгляды. «Научное творчество» Леонова представляется им шедевром «библиотечно-библиографической и библиофильской проблематики». У меня интеллектуальные упражнения дорвавшегося до мелкой научной власти графомана вызывают совсем иное отношение. И так во всём. Если Соколову Леонов представляется «компетентным менеджером» (с. 33), то у меня он вызывает ассоциативную память с давно предсказанной Лениным поставленной управлять государством кухаркой, которая оказалась способной лишь на кражу мяса из хозяйских щей.

Одним из наиболее запомнившихся анекдотов о Леонове является предпринятая им попытка проникновения в Российскую Академию наук. Баллотировался он туда дважды: в 2007 г. как литературовед, в 2011 г. – как историк. Впервые кандидатура Леонова была выдвинута бывшим директором Пушкинского Дома Н.Н. Скатовым и двумя физиками. В ответ на недоумение коллег Николай Николаевич резонно заметил: «Да как же его было не выдвинуть – во-первых, сам он очень просил, а, во-вторых, наверняка не выберут!». Что и произошло... Вторично Леонов был выдвинут Учёным советом БАН, т.е. подчинёнными. Оба раза

выдвиженец набрал минимум голосов, но даже это не мешает его сторонникам утверждать: «выдающийся учёный неоднократно баллотировался в Российскую Академию наук».

Напомню, что ни М.М. Бахтин, ни Ю.М. Лотман, ни Ю.Г. Оксман, ни В.Я. Пропп, ни В.Б. Шкловский, ни Б.М. Эйхенбаум – гордость российского литературоведения, – в Академию наук ни разу не выдвигались, зато бердниковы, бушмины и храпченки в ней водились в изрядном количестве. Рассматривать же Леонова как «историка» можно лишь исходя из того, что он постоянно «попадает в историю». Известность Леонова такова, что сам он вызывает неизменный интерес: «Как, тот самый?» – причём едва ли не пальцами показывают. Такая вот история...

В качестве решающего аргумента в БС-2 приводится цветная вклейка, на которой воспроизведён диплом: в черной траурной рамке Библиотека Российской Академии наук награждена «за научное обеспечение издания книги В.П. Леонова “Библиотека Академии наук: опыт биографии”». Красивый вторичный признак далеко не всегда свидетельствует качество самого изделия. Из текста следует, что вскоре после выхода давшей повод для реплики книги её издатель В.И. Васильев (бывший директор издательства «Наука») наградил свою же собственную продукцию дипломом. Судя по всему, Леонов искренне уверен в доброкачественности «монографии» не только по внутреннему убеждению, но и на основании данного диплома. Если подчинённые рекомендуют в Российскую Академию наук, значит, он действительно великий учёный. Если выдан официальный диплом – то книга действительно замечательна. Магическая вера советского человека в силу справки...

Настаиваю на высказанном мнении, что графоманская книжонка Леонова является не «выдающимся вкладом в общественные науки», а позорным эпизодом академического книгоиздания. (Какими бы премиями не награждать автора и как бы не хвалить книгу!) Одна лишь статья Леонова о «космическом смысле Петербурга» заставляет вспомнить Фому Опискина... Попытку отмыть добела «монографию» предпринял лишь некий Ю.Ю. Чёрный, усмотрев именно в этой статье «историсофию» (с. 96). Почти все авторы БС-2 пишут о том, что я исполнял чей-то заказ и даже то, что этот текст написан не мной. Причиной данного заблуждения является то, что скудоумие Леонова заразно и передалось ближнему кругу. Я не работаю по найму, имея достаточные средства к существованию. Вероятно, причиной заблуждения является мой

профессорски-обстоятельный подход к исследуемому явлению: никогда не делал скороспелых выводов и не навешивал ярлыки.

Кураев гневно вопрошал: «Публике дали перевод или оригинал, исполненный-таки русской оглоблей?» (с. 72). Успокою классика: оригинал. Русским языком владею не хуже него самого (по крайней мере, пишу без грамматических ошибок) и несравнимо лучше его друга Леонова, причём языком в ряде его функциональных разновидностей. Русский язык – моя специальность, ко всему, что делаю, привык относиться добросовестно. Института культуры я не окончил, но у меня были прекрасные учителя: Е.Л. Таубер и Б.К. Зайцев. Знание мною русского языка до сих пор вызывает непонимание простых советских людей, подозревающих в том цели низменные, едва ли не шпионаж. Столь же незамысловат сам Леонов. Очевидно, ему невдомёк, что существуют свободные люди, способные письменно излагать свои мысли без чужой помощи. Присущие Леонову чудовищное косноязычие и скудость лексического запаса должны стать объектом особого разбора. Прочитую лишь обычный для подобных образцов изящной словесности недоумённый вопрос Ю.К. Олеси: «Это оригинал или подстрочник с говяжьего?».

Характерно отсутствие в БС-2 оригинального текста того автора, чьё имя стоит на титульном листе и огромными буквами выведено на обложке. (Последняя тоже вторична – повторяет БС-1). Из 115 страниц книги самому Леонову принадлежит 14, причём из них половину составляет перепечатка текста БС-1. Что за светлый ум учёного, к сожалению поражённый импотенцией интеллекта! Впрочем, почему *к сожалению*? Скорее, *к счастью* – зачем же самому стараться, когда есть коллеги и подчинённые. Сложилось впечатление, что все письма редактировались одной шкодливой ручонкой – везде присутствует ложь о том, что Д.С. Лихачев никогда не видел В.П. Леонова, что ранее в БАН были *выборы*, а не их имитация (кандидат был единственный). Присутствует и ряд общих мест: «события почти тридцатилетней давности» (о скандале 1995 года с вывозом Леоновым старинных книг в Париж – сознательное отдаление и умаление реальных событий без их объяснения), «ущерб российской культуре и репутации БАН», а также порицания «некогда уважаемой “Литературной газете”»... Прошёл 21 год: я допускаю, что профессору Соколову подсчёт сверх двадцати сложен (пальцев не хватает?), однако вслед за ним авторы БС-2 повторяют именно эту формулировку.

Соколов не верит, что я «решил уничтожить морально В.П. Леонова из-за абзаца в его книге по поводу Ваших отношений с покойным А.В. Савиным (всего 6 предложений)» (с. 36). Увы: Леонов способен замарать и в малых дозах. Ненависть – излишне сильное чувство, чтобы испытывать его к Леонову. Никак не стоит он того... Причиной появления *реплики* и *отклика* явилось естественное желание «отмыться от вони трусливой псины» – как определил данную гигиеническую процедуру глава Чечни Рамзан Кадыров.

Отмечу, что первое упоминание обо мне в советской печати было следующим: «...один из эмиссаров Сионского, приехавший в нашу страну по программе научного и культурного обмена и неоднократно встречавшийся с Храбровицким, был выслан советскими компетентными органами за пределы нашей страны в связи с деятельностью, несовместимой ни с научной, ни с культурной. А ведь известны случаи, когда такие эмиссары постепенно с помощью ярких открыток, пёстрых галстуков затягивали в свои сети лиц, морально нечистоплотных, неустойчивых, а потом вербовали их. Для чего? Да для того, чтобы через них получать нужную информацию, собирать с их помощью и стряпать на своей идеологической кухне клеветнические сочинения против нашей страны, нашего народа.» (Зорькин Л. Битая ставка г-на Сионского // Известия. 7 мая 1969). Поясню, что в том *клеветоне* речь шла о добром знакомом Б.К. Зайцева – Александре Алексеевиче Сионском (1899-1976), считавшем своим нравственным долгом посылать в библиотеки СССР отсутствовавшие там книги Зарубежной России.

Не прошло и полувека, как всё вернулось на круги своя.

В БС-2 меня объявили «отдельным недоброжелателем России» (с. 81). Доцент П.А. Козляковский дал мне точное определение: «сын лавочника, доктор “от филологии”, так называемый “француз”» (с. 76). Товарищ Леонова по Институту культуры высказал свое мнение о *реплике*: «Вот тут и раскрывается мелкая душонка потомственного лавочника и его меркантильная любовь к “русскому наследию”, а также в целом к России». – «Бог с ним, с этим иностранцем. Но как могла “ЛГ”, когда-то почитаемая и уважаемая газета, опуститься до подобных публикаций, унижающих практически не только научный мир, но и простой народ, вышедший из Советского Союза?» (с. 77). Странно, что доцент ещё не обвинил меня в ненависти ко «всему прогрессивному человечеству»... За него это сделала Е.Н. Томашева: «Сегодня все увидели подлинное лицо хваленной Европы и многих её деятелей. Так что этот француз не исключение, а подтверждение истинной сути

тамошних и государственных чиновников и окололитературных и околокультурных деятелей, которые считают, что могут судить людей, даже не будучи с ним знакомыми, а заодно попутно боднуть и всю российскую общественность» (с. 82-83).

Никому не дано право упражняться в остроумии ни в отношении меня самого, ни по отношению к моим родителям. Опускаться до ответа Леонову и своре козляковских считаю излишним. Сообщу, что являюсь французом, доктором филологических наук Сорбонны, профессором; родители мои были преподавателями, отец – немецкого языка, мать – математики.

Потуги на юмор авторов БС-2 весьма убоги, на уровне «Герра – Герострат» (с. 88).

Но если бы дело этим ограничилось. После стычки перед Мариинским театром с прозаиком Кураевым недруги вошли во вкус. Начиная с 1998 года я выступал пятнадцать раз в «Мемориальной библиотеке им. князя Г.В. Голицына» (наб. Фонтанки, 46). Если там не были – обязательно посетите лучший в Санкт-Петербурге центр по изучению Белого движения и Зарубежной России. Создатель его и бессменный директор Е.В. Конюхова сумела создать с нуля не только замечательное книжное собрание, но и сплотить вокруг себя близких по интересам людей. Каждое выступление в этом гостеприимном уголке было праздником не только для меня, но и для друзей и знакомых. Само выступление в «Библиотеке Голицына» – большая честь для приглашённого; программа распланирована на месяцы вперёд.

О дате выступления мы с Е.В. договорились едва ли не за полгода: дни форума уже были известны. «Библиотека Голицына» разослала приглашения, вывесила афиши; СМИ были оповещены. За несколько дней до выступления З.В. Чалова – директор Центральной городской библиотеки имени В.В. Маяковского, где «Библиотека Голицына» с 1993 года арендует часть здания, запретила мою ежегодную встречу с читателями. Чалова – давняя и фанатичная поклонница Леонова (см. БС-1), никто не возбраняет ей иметь свои слабости, но она же муниципальная служащая. Какое право она имела так поступать в отношении как Конюховой, так и приглашённого Правительством Санкт-Петербурга почётного гостя Санкт-Петербургского международного культурного форума?! Эмоции эмоциями, а субординация субординацией. Кто в Санкт-Петербурге главнее – выносить суждение не мне, я здесь всего лишь почётный гость, а не хозяин. Много в жизни повидал и испытал, но с подобным ещё не сталкивался.

К счастью, не все в «культурной столице России» такие как Чалова или Леонов. В тот же день с помощью президента ассоциации «Русская культура» профессора Д.А. Ивашинцова был арендован на вечер большой зал на углу Литейного и Невского пр., где с получасовым переносом и состоялась вторая презентация книги «О русских – по-русски» (первая была двумя днями ранее на Мойке, 12 в клубе библиофилов «Бироновы конюшни»). Два часа я рассказывал и отвечал на вопросы о самой дорогой для меня книге, написанной по-русски на одном дыхании. Зал был переполнен; стояли в дверях и в проходах. Приятно ощущать, что не только думаешь и сопереживаешь, но и дышишь едва ли не вместе с залом...

Мой очередной визит на берега Невы, где я вновь был Почётным гостем книжного салона по приглашению Правительства Санкт-Петербурга, прошёл без осложнений. Обе мои лекции никто не пытался сорвать, и даже прозаика Кураева видно не было.

Всё же Леонов с его сворой добились своего. *Реплика* и *отклик* потребовали моего времени: прочесть, ответить на все звонки и письма, подготовить текст. Вычеркнутую из жизни неделю считаю излишним даром поклонникам Леонова и не склонен продолжать беседу на постороннюю для меня тему. *Реплика* была посвящена покойному А.В. Савину – ни один из воспевших хвалу погубившему его Леонову о нём не вспомнил.

Предпринятая Леоновым против меня кампания напоминает военную операцию. Создаётся впечатление, что на закате карьеры ему и заняться более нечем, кроме желания мне нагадить. Некое нездоровое влечение, сродни патологической страсти козла Тимур к тигру Амуру... Желание козла самоутвердиться на фоне тигра объяснимо, но я не склонен поощрять Леонова в его амбициях.

Впрочем, в леоновском тщеславии присутствует и элемент прагматизма.

Что меня очень поразило – это патологическая скарденность «профессора Леонова». Раздав на презентации стопку БС-2, остаток книг он через третье лицо стал продавать по 300 руб., причём адресно, интересуясь личностью покупателя. Благодаря добрым друзьям уже через несколько дней после выхода книга достигла Ниццы. Не знаю, чему больше удивляться: похабству текста или мелочному гешефтмахерству её автора. В самом деле, в «Академкниге» вызвавшая *реплику* книга 2013 года до сих пор продаётся по цене 150 руб. – это 199 страниц плотной белоснежной бумаги, 8 цветных вклеек, одета в прекрасный тканевый тиснёный фольгой переплёт и суперобложку. (Тираж не обозначен). Напротив, БС-2

является книжонкой в 119 страниц с одной вклейкой (тот самый диплом!), обложка и бумага скромные. (Тираж 200). Запрашивает «автор» за неё ровно вдвое больше: 300 руб. Хоть небольшой, но всё же доход, однако при директорском жалованье настолько мелкое предпринимательство едва ли прилично.

Своеобразие зарплаты Леонова в БАН (а в 2010-2014 гг. она простиралась от 2,5 до 2,85 миллионов рублей ежегодно) состоит в том, что значительную её часть составляет премия (не менее 400 тысяч рублей), которую в конце года он выписывает самому себе «за выдающиеся научные достижения». В их числе книжка 2013 г., побудившая меня к *реплике*. Не сомневаюсь, что и БС-2 будет отнесён к таковым и достойно вознаграждён. В ежемесячных надбавках самому себе «за высокие научные результаты» учтено даже то, что Леонов «лично возглавляет созданную под его научным руководством комплексную концепцию антикоррупционной деятельности БАН». При такой официальной служебной ренте Леонова торговать из-под полы полукустарной печатной продукцией непристойно.

Библиотека Российской Академии наук по своему статусу является учреждением государственным: Леонов не до конца превратил её в свою частную лавочку. Тем не менее, позорящая меня книжонка вышла не только в издательстве БАН, но и с грифом БАН на титульном листе. Последнее означает, что она является продукцией этого учреждения и выражает его официальную точку зрения. Порочащие меня тексты полгода размещены на официальном сайте БАН. На этом же сайте размещена информация о том, что с апреля с.г. в БАН новый директор (бывшая заместительница Леонова). Из заметки на другом сайте под названием «Грязные выборы в Библиотеке Академии наук» можно узнать как происходили новые «выборы» в связи с невозможностью для Леонова остаться во главе БАН ещё раз по возрасту. При номинальном новом директоре Леонов остаётся «научным директором» БАН до скончания века. (Прочтите и этот текст – не пожалеете!)

Возможно, что точка зрения БАН уже соответствует государственной – не хочется верить, что последняя настолько изменилась. Ранее мне казалось, что мои полувековые труды по сохранению русского наследия за рубежом встретили сочувственное понимание нынешнего российского руководства и между нами постепенно наладилось плодотворное сотрудничество. Мнение это сложилось из ряда официальных приглашений и из почётной презентации книги «О русских – по-русски» главной газетой страны. (См.: Российская газета. 2015. 6 октября. № 224 (6795). С. 16.) Тем

не менее, выход в свет БС-2 под грифом официального российского учреждения, которое полностью содержится государством, заставляя в том усомниться. Подтверждает опасения и то, что официальная презентация мерзкой книжонки не встретила протеста высших академических инстанций. В обществе цивилизованном использовать государственное учреждение для личной мести, да ещё и с попутным мелким обогащением – недопустимо.

Могущественнейшей Российской державой в лице ничтожнейшего Леонова как её представителя мне нанесено сознательное оскорбление, и я вынужден с этим считаться. Мне хотелось бы получить разъяснение официальных российских властей как по выходу рассмотренной весьма смрадной книги, так и порочащих меня сведений на сайте БАН. От того, насколько удовлетворит меня их ответ, будет зависеть дальнейшее сотрудничество с ними. Моё решение – не прихоть зажавшегося француза и не коварное вмешательство наймита НАТО в дела суверенного государства – это ответ на нанесённое мне Леоновым оскорбление. Сознательная жизненная позиция моя неизменна: только так могу бороться за моё достоинство, противостоя расцветшему пышным цветом неосоветскому жлобству (к счастью – пока только в единичных вышеназванных особях). Леонова воспринимаю как четвертьвековой позор российской науки и культуры. Кто России важнее – я или Леонов – решать не мне. Не сомневаюсь, что *отклик* вызовет у Леонова позыв к созданию БС-3, и да «примостятся рядом» Соколов, Кураев и прочие лихомановы с тем, чтобы усладить его «интенциями». Я же всегда найду, чем заняться у себя дома.

Такое вот импортозамещение...

Доктор филологических наук Парижского университета,

Президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции

НИЦЦА, июль 2016

От редакции:

Мы публикуем остро полемическую статью, присланную в редакцию журнала нашим постоянным автором Рене Герра. С момента основания журнала, девизом которого является «Правда обо всём и полемика», в журнале всегда публиковались и публикуются разные мнения авторов, вплоть до противоположных. В споре рождается истина.